

ПОХОТЬ

КОД
ДОСТУПА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Юрий Бурева

18+

Юрий Буреви

Похоть. Код доступа

Серия «Дыхание страсти»

<https://litres.ru/73194188>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она прошла путь от офисной жертвы до вершины, где воздух разрежен, а в победителях остаётся только один. По её следу идут тени прошлого: бывший муж-неудачник, наставник-манипулятор, влюблённый протезе. Каждый хочет что-то от неё получить. Каждого она сделает пешкой в своей игре.

Но главная битва ждёт её наверху. Лицом к лицу с хозяином всего усталым волком, который знает цену всему. Их встреча это ужин, где подают не блюда, а намёки. Это спальня, где секс становится поединком равных. Это пик, на котором ждёт только ледяная пустота

Код власти это жёсткий, психологически точный роман о женщине, которая отказалась быть правильной. Чтобы стать сильной.

Это история о том, как далеко ты можешь зайти, когда отступать некуда. Какую цену готов заплатить за то, чтобы никогда больше не принадлежать никому, кроме себя.

Осмелитесь ли вы увидеть, какой ценой?

Любые совпадения случайны.

Содержание

Пролог: Кухонные разборки	5
ЧАСТЬ I: КОД ДОСТУПА – СТАРТЕР	16
Глава 1: Резюме из плоти и крови	16
Глава 2: Офисная инициация	25
Глава 3: Парк возможностей	33
Глава 4: Тонкая настройка	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Юрий Буреве

Похоть. Код доступа

Пролог: Кухонные разборки

Последнее яйцо. Оно лежало на дне холодильника, единственное пятно матово-белого на фоне пустых стеклянных полок и унылых пластиковых контейнеров со следами давно съеденных соусов. Лера достала его, почувствовав прохладную шершавость скорлупы о ладонь. Казалось, вся надежда в этой квартире сконцентрировалась в этой хрупкой известковой капсуле.

Кухня была зеркалом её жизни последних месяцев: в раковине башней из глиняных черепков лежала грязная посуда, на столе – разводы от чайных кружек и крошки, рассыпанные ещё вчера. Свет февральского утра, тусклый и безвольный, пробивался через замызганное окно, не освещая, а лишь подчёркивая убожество. Она потянула за верёвочку вытяжки – та издала хриплый, предсмертный звук и замолкла. Вечная пыль на решётке. Лера вздохнула и расстегнула свой поношенный бардовый халат, под которым пряталась лишь лёгкая ночная рубашка. Холодно. Всегда в этой квартире было холодно, будто стены впитали не тепло, а взаимные упрёки.

Раздался скрип. Сергей вышел из спальни. Босиком, в мятых боксёрах, волосы слипшиеся, лицо одутловатое и серое. Он шаркал по линолеуму, не глядя на неё, прошёл прямо к холодильнику, распахнул его, заглянул в пустоту и грохнул дверцей.

– Чё поесть? – спросил он хрипло, голосом, насквозь пропахшим вчерашним пивом и сигаретами.

– Яичницу делаю, – тихо отозвалась Лера, разбивая яйцо о край сковороды. Желток растёкся неровно, один белок затянулся плёнкой. – На двоих хватит.

Сергей приблизился и заглянул через её плечо. Его дыхание, тяжёлое и кислое, обдало её шею. Она сдержала гримасу.

– И это всё? – фыркнул он. – Яйцо. Одно, блять, яйцо. Ты хоть понимаешь, что мне на работу надо? Не на шпильках целый день трясти, а реально вкалывать.

«А я что делаю? – промелькнуло у неё в голове. – Ищу работу, разбираю объявления, рассылаю резюме...» Но она промолчала. Спорить было себе дороже. Она просто аккуратнее подвинула яйцо лопаткой.

– Желток растекаясь, – констатировал Сергей с отвращением в голосе. – Ты даже яичницу нормально не можешь. Со всем руки не из того места? Что с тебя взять-то, а? Одна красивая обёртка. Картинка.

Слова ударили не в бровь, а в глаз. Не в первый раз, но сегодня, в этом утреннем безвкусном свете, они прозвучали

как окончательный приговор. «Красивая обёртка». Её тело, её лицо, её 96-62-95, которые раньше считала достоинством, здесь, в этих стенах, стали обёрткой для пустоты. Упаковкой, которую собираются выбросить.

Она отставила сковороду в сторону, выключила конфорку. Руки дрожали. Медленно обернулась.

– Сергей, хватит, – сказала она, и голос её прозвучал тише, чем она ожидала. – Хватит уже.

– Чего хватит? – он нахмурился, наступая. – Правду говорю. Красивая, да. Ходишь, извиваешься. А толку? Ипотеку за тебя не платят. Ужин не приготовишь. Даже просто молча в углу посидеть не можешь, вечно со своим нытьём: «Работы нет, денег нет». А кто должен их искать, я? У меня своих забот полно!

Он был близко. Слишком близко. Лера почувствовала знакомый, липкий страх. Не страх физической расправы – Сергей не бил. Он уничтожал иначе – словами, пренебрежением, вот этим взглядом, который скользил по её халату, будто оценивая товар с браком.

– Я стараюсь, – прошептала она, отступая к раковине. Спиной наткнулась на холодный влажный край. Отступить некуда.

– Стараешься? – он усмехнулся, и его рука грубо легла ей на талию, сквозь тонкую ткань. – Вот тут стараешься, да? На это горазда. А в остальном – ноль.

Его пальцы впились в её бок. Запах – смесь перегара, по-

та и чего-то тяжёлого, мужского, отталкивающего – ударил в нос. Лера инстинктивно попыталась вывернуться, но он был сильнее. Он притянул её к себе, прижав животом к краю стола.

– Отстань, – выдавила она, упираясь ладонями в его грудь.
– Я не хочу.

– Чего не хочешь? – прошипел он ей в ухо. – Всё хочешь. Просто сама не знаешь, чего. Я тебе покажу.

Он не слушал. Её сопротивление для него было игрой, фальшивым кокетством. Он принял её молчание раньше за согласие и теперь принимал её попытки вырваться за ту же монету – за желание, чтобы его было сильнее. Он обхватил её сзади, одна рука залезла под халат, сжав грудь так, что она вскрикнула от боли, другая потянула за пояс.

– Сергей, нет! – её крик был резким, но приглушённым стенами этой проклятой квартиры. – Прекрати! Слышишь?

Но он уже тащил её в спальню. Она цеплялась за косяк двери, за тумбочку в коридоре, но её пальцы соскальзывали. Внутри всё замирало, превращалось в ком ледяной ваты. Знакомая апатия. Знакомая беспомощность. Бороться бесполезно, это только разозлит его больше. Проще отключиться. Переждать.

Он швырнул её на кровать. Неубранную, с простынёй, сбитой в комок посередине. Она упала на бок, и прежде чем она успела среагировать, он уже был за её спиной. Грубые толчки его рук, стаскивающие с неё нижнее бельё – некра-

сивые, простые трусики из дешёвого хлопка, купленные на последние деньги. Ещё один символ её падения.

– Лежи, – бросил он, и в его голосе не было страсти, было лишь раздражение и желание поскорее получить своё.

Лера лежала. Уткнулась лицом в стену. Обои были холодные, с мелким, безликим геометрическим узором. Она сфокусировалась на нём, на точке, где пересекались две серые линии. Она дышала, глубоко и медленно, пытаясь отстраниться, улететь.

Он вошёл в неё резко, без прелюдий, без ласки. Сухо и больно. Лера закусила губу, сглотнув стон. Её тело не отозвалось, оставаясь холодным и чужим. Она чувствовала только механические толчки, ритмичные, как удары метронома, отмеряющего её унижение. Запах. Боже, этот запах. Его пот, прокисшее пиво из пор, дешёвый одеколон, которым он пытался заглушить всё это вчера вечером. Он смешивался с запахом пыли на простыне и её собственного страха.

И тогда, глядя в стену широко открытыми, сухими глазами, она позволила памяти накрыть себя с головой. Не для утешения. Для острой, режущей сравнением боли.

Миша. Первая настоящая любовь. Он целовал её не так. Он целовал каждую родинку на её спине, называя их созвездиями, которые принадлежат только ему. Его руки были тёплыми и трепетными. Он часами мог просто лежать и смотреть на неё, как на чудо, шепча: «Ты у меня самая красивая. Не просто красивая. Ты... единственная». С ним она узна-

ла, что её тело – не просто форма, а храм, который можно исследовать с благоговением. Он ценил каждую её реакцию, каждый вздох. Для него её упругие ягодицы были не объектом для грубого хватания, а предметом восторженного восхищения. Он лепил их из глины на своих занятиях скульптурой, пытаясь уловить «совершенство живого изгиба». А её губы... Он говорил, что они как спелый персик, и целовал их так нежно, что у неё подкашивались ноги.

Толчок Сергея стал грубее. Он тяжело дышал ей в затылок. Лера зажмурилась, пытаясь удержать образ.

Артём. Следующий. Более взрослый, уверенный. Он не лепетал восторги, но его любовь выражалась в действиях. Он сам готовил ей завтраки по утрам, даже когда она пыталась отговорить: «Не надо, я сама». «Молчи, – говорил он, ставя перед ней тарелку с идеальной яичницей-глазуньей и посыпанной зеленью. – Ты должна начинать день с чего-то прекрасного». Он гордился ею. Водил на мероприятия к себе в офис, представлял коллегам: «Знакомьтесь, моя Лера. Умница и красавица». И в постели... Он обожал её минет. Не требовал, а просил, смотрел на неё снизу вверх, полный обожания, и шептал, что нет ничего прекраснее, чем видеть, как она отдаётся моменту. А после, когда она поднимала голову, он не отворачивался, а притягивал её к себе и целовал в губы, делясь вкусом, стирая границы. Он называл это «солёным нектаром богини» и смеялся. Для него её умение было даром, а не услугой.

Сергей внезапно выскользнул. Лера на мгновение почувствовала пустоту и холод. Но лишь на мгновение.

– Надоело, – пробормотал он себе под нос.

И прежде чем она успела что-либо понять, его пальцы грубо раздвинули её, и он вошёл в другую «лазейку». Резко, без подготовки, причиняя острую, рвущую боль. Лера вскрикнула – коротко, подавленно. Слезы наконец хлынули из глаз, но они были тихими, беззвучными. От боли, от унижения, от осознания полной своей вещности в его глазах. Она была не человеком, а отверстием. Одним из двух. Неважно каким.

Костя. Самый нежный. Тот, кто боялся сделать ей больно. Который всегда спрашивал: «Тебе удобно? Тебе хорошо?». Он обожал зажигать ароматические свечи, чтобы запах ванили или сандала смешивался с запахом их кожи. Он говорил, что её тело пахнет как летний дождь на нагретой земле – чисто и дико одновременно. Он любил её бёдра, называл их «портал в рай», и проводил между ними часами, целуя и лаская, прежде чем перейти к главному. Для него секс был разговором, диалогом тел, где каждый жест был вопросом и ответом.

А здесь, сейчас, не было никакого диалога. Был монолог его похоти, написанный криками и грубыми хватаниями. Её тело было стеной, о которую он бился, пытаясь получить своё. Её мысли, её воспоминания, её боль – всё это было за гранью его понимания.

Сергей застонал – низко, животно – и резко, судорожно

дернулся несколько раз, вдавливая её в матрас всем своим весом. Затем замер. Тишину нарушало только его тяжёлое, хриплое дыхание.

Он выскользнул. Лера почувствовала, как по её внутренней поверхности бедра тёк тёплый, липкий поток. Не «нектар». Не «дар». Отходы. Следы его пренебрежения.

Сергей встал с кровати, одёрнул боксёры. Не сказал ни слова. Не прикоснулся к ней. Прошёл в ванную. Через минуту Лера услышала звук душа.

Она лежала неподвижно. Боль между ног была острой и жгучей. Но она меркла перед другой болью – внутренней, ледяной пустотой, которая разлилась по всему её существу. Она смотрела в стену, но уже не видела обоев. Она видела контраст. Тёплые руки Миши и грубые лапы Сергея. Восторженный взгляд Артёма и пустые, налитые хмелем глаза над ней. Нежные слова Кости и сегодняшнее: «Одна красивая обёртка».

Слёзы текли по её вискам, впитываясь в простыню. Но что-то менялось. Горечь и обида, кипевшие внутри, начали кристаллизоваться. Они не испарялись, а застывали, образуя твёрдый, острый, холодный комок в самой глубине груди.

Она медленно подняла руку и посмотрела на неё. Красивую руку с тонкими запястьями и длинными пальцами. Руку, которую целовали. Руку, которая сейчас беспомощно сжалась в кулак.

Шум воды в ванной прекратился. Сергей вышел, уже оде-

тый в старые джинсы и свитер. Он прошёл мимо спальни, даже не заглянув. На кухне загремела посуда – он, наверное, нашёл что-то перекусить. Потом шаги в прихожей, звяканье ключей.

– Ушёл! – крикнул он в пространство квартиры, не удостоив её личного обращения.

Хлопнула входная дверь. Затихло.

Тишина. Абсолютная, гулкая тишина, нарушаемая лишь гудением холодильника на кухне.

Лера медленно перевернулась на спину. Холодная простыня прилипла к мокрой от слёз щеке. Она уставилась в потолок, в трещину, которая расходилась от угла, как молния. Внутри неё бушевала метель. Боль, унижение, тоска по тому, что было, ярость на саму себя за то, что допустила это. За то, что променяла обожание на пренебрежение, любовь на потребительское отношение.

«Красивая обёртка».

Да. Для него она была обёрткой. Для остального мира – тоже? Для потенциальных работодателей, которые смотрели на её фото в резюме и затем на неё саму? Она вспомнила оценивающие взгляды на последнем собеседовании. Не на знания, а на разрез губ, на изгиб под грудью, набранный карандашом костюмом.

Её тело. Её единственный неоспоримый актив в этом мире. Её проклятие и... её оружие?

Мысль пронзила сознание, как ледяная игла. Она не про-

сто осенила – она вонзилась и застыла там, заняв место слёз и страха.

Сергей использовал её тело, чтобы самоутвердиться, чтобы выместить злость. Артём и Миша ценили его, боготворили, получали от него наслаждение и дарили его ей в ответ. Разница была не в теле. Разница была в том, кто им управляет и на каких условиях.

Если мир видит в ней только «обёртку», значит, так и будет. Но обёртка может быть не просто упаковкой для пустоты. Она может быть фантиком от золотого слитка. Обложкой бестселлера. Преградой, за которой скрывается нечто, доступное только по особому коду.

Лера медленно села на кровати. Больно. Всё болело. Она свесила ноги, её ступни коснулись холодного пола. Она подошла к зеркалу в шкафу, распахнула створки.

Перед ней стояла бледная девушка с заплаканными глазами, в помятом халате, с растрёпанными волосами. Следы унижения на лице. Но сквозь эту картину разрушения Лера вдруг увидела другое. Линии. Формы. Ту самую «красивую обёртку». Она провела рукой по своему отражению – по высокой груди, тонкой талии, крутому изгибу бедра.

«С этого дня, – тихо, но чётко проговорила она своему отражению, и в голосе не осталось и тени дрожи, лишь низкая, стальная вибрация, – моё тело будет служить только мне. Оно будет говорить на том языке, который они понимают. Оно будет ключом. Кодом доступа. И плата за вход будет

устанавливаться мной».

Она сбросила халат. Посмотрела на себя. Не с отвращением. С холодным, аналитическим интересом. Это был её капитал. Её стартовый взнос в большую игру, правила которой она напишет сама.

На кухне, на холодной сковородке, лежала недоеденная, скукоженная яичница с одним растекшимся желтком. Лера подошла, взяла сковороду и выбросила содержимое в мусорное ведро. Звонко, решительно.

Звонок телефона разорвал тишину. Незнакомый номер. Возможно, ответ на одно из сотен разосланных резюме.

Лера вытерла ладонью следы слёз на щеках, расправила плечи. Голос, когда она ответила, звучал ровно, уверенно и на полтона ниже обычного.

– Алло? Да, это я. Лера. Слушаю вас.

Её глаза, ещё красные от слёз, глядели в замызганное кухонное окно, но видели уже не серый двор, а очертания небоскрёбов в деловом центре города. Где-то там были кабинеты с кожаными креслами, власть, деньги. И код доступа ко всему этому она только что нашла. В себе.

ЧАСТЬ I: КОД ДОСТУПА – СТАРТЕР

Глава 1: Резюме из плоти и крови

Деньги кончились. В кошельке лежали три хрустящие пяти тысячные купюры – последние. Не зарплата, не подарок. Деньги, выпрошенные у матери под предлогом «на лекарства». Лера пересчитала их, сложила аккуратно, сунула в отдельный карман сумочки. Это был её военный бюджет. Всё или ничего.

Она села за ноутбук. Экран светился в полутьме комнаты – электричество экономят. «Резюме». Пустой документ. Что писать? «Высшее экономическое, красный диплом». Правда. «Опыт работы: помощник руководителя в небольшой фирме». Полуправда. Фирма обанкротилась год назад, а руководитель, лысый Камиль, всё пытался проверить её «лояльность» под предлогом корпоративных традиций. Она ушла, не дожидаясь, когда традиции перейдут в горизонтальную плоскость. «Навыки: уверенный пользователь ПК, знание 1С, английский intermediate». Скучно. Шаблонно. Таких резюме, как её, тысячи.

Лера откинулась на спинку стула, её взгляд упал на отра-

жение в тёмном экране монитора. Смутные очертания лица, плеч. Она провела рукой по шее, потом встала, подошла к большому зеркалу в прихожей. Включила свет. Резкий, неприкрытый свет лампы-шара выхватил её из полумрака.

Она разделась. Джинсы, простой чёрный топ. Встала ровно, без стыда, изучая себя. Высокая грудь, твёрдая, с бледно-розовыми ареолами. Талия – действительно узкая, впаляя, будто перехваченная невидимым корсетом. Бёдра – крутые, плавно перетекающие в упругие, высоко посаженные ягодицы. Ноги длинные, с чёткими икрами. Цифры 96-62-95 перестали быть сухой статистикой. Это был ландшафт. Рельеф, созданный годами плавания и домашних тренировок с резиновыми лентами, пока Сергей смотрел футбол. Это была её крепость. Или, если смотреть иначе, – её самое эффективное орудие нападения.

«Одна красивая обёртка», – эхом отозвалось в голове. Она сжала кулаки, ногти впились в ладони.

– Нет, – сказала она вслух, тихо, но твёрдо. – Не обёртка. Визитная карточка. И на этой карточке будет только одно имя. Моё.

Она надела старое, но безупречно сидящее чёрное платье-футляр. Оно было куплено в другую жизнь, для другого Леры – той, что верила в карьеру без «но». Оно облегалo её, как вторая кожа, подчёркивая каждый изгиб, но оставаясь при этом строгим, почти пуританским. Разрез до середины бедра – единственная дерзость. С этим платьем она когда-то

чувствовала себя неуверенно, будто выставляла напоказ то, что должно быть скрыто. Теперь же она чувствовала в нём доспехи. Оно не скрывало – оно презентовало. Заявляло.

На следующее утро она отправилась в торговый центр. Не ходить по магазинам, а на операцию. Её цель – классический костюм: пиджак и юбка-карандаш. Цвет: тёмно-синий, цвет глубины и власти. Ткань: шерсть с кашемиром, чтобы лежать безупречно и говорить о статусе даже на расстоянии. Она перемерила семь вариантов, пока не нашла тот самый. В примерочной, под белыми лампами, она крутилась перед зеркалом. Пиджак, застёгнутый на одну пуговицу, чётко обрисовывал линию груди и талии. Юбка, сидящая в обтяжку, останавливалась ровно на ладонь выше колена, подчёркивая бёдра и делая ноги бесконечно длинными. Она выглядела... дорого. Непрístupно. И при этом от каждого её движения исходил немой, мощный магнитный сигнал.

Цена на бирке заставила её сердце ёкнуть. Почти две из трёх её купюр. Она закусил губу, потом решительно сняла костюм и понесла его к кассе. Это была не покупка одежды. Это была закупка стратегического сырья.

На следующий день, в новом костюме, с белой шёлковой блузкой под пиджаком и туфлями-лодочками на шпильке, она вошла в зеркальное фойе бизнес-центра «Сентрал Тауэр». Здесь пахло деньгами, стеклом и кофе. Лера прошла к стойке администрации, её каблуки отстукивали чёткий, уверенный ритм по полированному граниту. Её имя было в

списке. «Лера Соколова, 14:00, «КристаллТех», 18 этаж, каб. 1804».

Лифт мчался вверх, отражая её фигуру в глянцевых стенках. Она поправила прядь волос, собранных в тугий пучок. Никакой дрожи в руках. Только холодная концентрация.

Кабинет 1804. Широкий, с панорамным видом на город. За стеклянным столом сидел мужчина лет сорока. Андрей. В жизни же в нём чувствовалась спокойная, накопленная сила. Он был в светло-сером костюме, рубашка без галстука. Его взгляд, когда он поднял голову, был не просто оценивающим. Он был сканирующим. Он скользнул по её фигуре, от шпилек до пучка, задержался на лице, на разрезе юбки, и вернулся к глазам. Это заняло две секунды. Но за эти две секунды Лера поняла всё. Её резюме лежало перед ним, но он смотрел не на бумагу.

Собеседование пошло по стандартной схеме. Он задавал вопросы об опыте, о сложных ситуациях, о мотивации. Лера отвечала чётко, подбирая слова. Её голос звучал ровно, низко. Она чувствовала, как его взгляд периодически возвращается к ней – к движению её губ, к тому, как она поправляет блузку, к её ногам, скрещённым под столом.

– Почему вы хотите работать именно у нас, Лера? – спросил он, откидываясь в кресле. В его позе появилась расслабленность.

– «КристаллТех» – лидер, – начала она заученную фразу, но потом сделала паузу и посмотрела ему прямо в глаза. –

А я устала быть в середине списка. Я хочу работать там, где принимаются решения. Где есть драйв.

Уголок его рта дрогнул в подобии улыбки.

– Драйв у нас есть, – сказал он многозначительно. – Но и конкуренция соответствующая. Нужно уметь... проявить себя. Выделиться.

– Я это понимаю, – кивнула Лера, и её взгляд стал на мгновение настолько прямым и открытым, что это было почти вызывающе. – Я готова проявить себя. Всеми способами.

Молчание повисло в воздухе, густое и тягучее. Андрей что-то записал в блокнот, затем встал.

– Спасибо, мы вам перезвоним. В течение недели.

Он протянул руку для прощального рукопожатия. Его ладонь была сухой, тёплой, сильной. Он не отпускал её руку сразу, задержал на долю секунды дольше необходимого.

– Я провожу вас до лифта.

Они шли по длинному, залитому светом коридору. Он шёл рядом, его плечо почти касалось её плеча. Она чувствовала его тепло, улавливала лёгкий, дорогой, древесный аромат его парфюма. Ничего общего с тяжёлым духом Сергея. Этот запах говорил о порядке, контроле, деньгах.

Лифт прибыл пустой. Зеркальная кабина. Андрей нажал кнопку первого этажа и кнопку «Стоп», заблокировав вызов.

– Чтобы никто не помешал, – сказал он просто, поворачиваясь к ней.

Двери закрылись. Внезапная, гулкая тишина, нарушаемая

лишь слабым гудением механизмов. Они остались в этом зеркальном ящике вдвоём. Их отражения множились до бесконечности.

Андрей смотрел на неё. Его уверенность слегка пошатнулась, в глазах промелькнула тень сомнения, азарта и чего-то ещё – того самого «драйва». Он медленно поднял руку и прикоснулся тыльной стороной пальцев к её щеке. Кожа под его прикосновением вспыхнула. Жест был вопросительным, почти нерешительным. Он проверял границы.

Лера не отстранилась. Не отвела глаз. Внутри у неё всё сжалось в тугую, горячий комок. Это был момент выбора. Оттолкнуть его руку, сделать вид, что ничего не было, выйти на первом этаже с туманными обещаниями о звонке. Или...

Она вспомнила холод простыни. Запах пива. Слова «красивая обёртка».

Её решение созрело мгновенно, кристально ясно. Она посмотрела на его губы, потом медленно, не отводя взгляда, опустилась на колени. Звук её коленей, упёршихся в холодный пол кабины, прозвучал неожиданно громко. Выражение на его лице сменилось с удивления на шок, а затем на жадное, неподдельное любопытство.

Её пальцы, холодные и точные, нашли пряжку его ремня. Металл был гладкий, прохладный. Щелчок расстёгивания оглушительно прозвучал в тишине. Затем молния. Ткань дорогих брюк под её пальцами была тонкой, но плотной. Она почувствовала под ней его напряжение, его готовность. За-

пах теперь стал ближе, интенсивнее: парфюм, смешанный с чистым мужским потом волнения. Он не говорил ни слова. Только тяжело дышал, глядя на её склонённую голову.

Лера не спешила. Она действовала как хирург, как художник. Она освободила его, взяв в ладонь. Он был тёплым, твёрдым, пульсирующим жизнью и властью. Она почувствовала, как между её собственных ног пробежала волна тепла, влажная, живая реакция тела на этот акт абсолютного контроля. Её не возбуждал он. Её возбуждала ситуация. Её власть над этим сильным, уверенным мужчиной в дорогом костюме. Она была здесь на коленях, но чувствовала себя на троне.

Она наклонилась. Её губы, пухлые, покрашенные нейтральным блеском, сомкнулись вокруг него. Медленно, принимая весь его объём. Её язык скользнул вдоль напряжённой вены, исследуя текстуру, солоноватый вкус чистой кожи. Она слышала его сдавленный стон где-то над собой. Её руки легли на его бёдра, чувствуя, как дрожат его мышцы. Она начала двигаться, задавая ритм – неспешный, глубокий, гипнотический. Каждый раз она опускалась всё ниже, принимая его полностью, чувствуя, как он касается задней стенки её глотки. Она контролировала своё дыхание, контролировала рвотный рефлекс, контролировала каждое движение.

Это был не минет отчаяния или желания услужить. Это была демонстрация мастерства. Презентация её главного навыка. И он, Андрей, был идеальной аудиторией. Его пальцы

вцепились в её собранные волосы, но не толкали, не руководили – просто держались, как за якорь. Его стоны стали громче, прерывистее.

– Лера... – вырвалось у него, больше похожее на стон.

Она знала, что приближается финал. Она ускорила темп, одна рука переместилась ниже, к его мошонке, нежно массируя. Его тело напряглось, как тетива. Глухой, сдавленный крик, и он кончил. Лера не отстранилась. Она приняла всё, каждую пульсацию, чувствуя, как тёплая, густая жидкость заполняет её рот. На вкус она была горьковато-солёной, с металлическим привкусом. «Эликсир власти», – пронеслось в её голове. Она сглотнула. Раз. Два. Чисто, без остатка.

Затем она медленно освободила его, всё ещё держа в ладони. Подняла голову и посмотрела на него снизу вверх. Его лицо было залито краской, глаза блестели, губы полуоткрыты. Он выглядел опустошённым, покорённым, восхищённым.

Лера встала, её колени слегка дрожали от напряжения, но она выпрямилась во весь рост. Она достала из кармана пиджака бумажную салфетку, аккуратно вытерла уголок своих губ. Никакой паники, никакого стыда. Только деловая собранность.

В этот момент лифт дёрнулся, и блокировка снялась. Кабина плавно поехала вниз. Андрей, торопливо и неловко, приводил себя в порядок.

Двери открылись на первом этаже – шумный холл, люди,

свет.

Лера поправила пиджак, бросила салфетку в урну у стойки администратора. Затем повернулась к Андрею, который теперь выглядел как человек, только что переживший землетрясение.

Она улыбнулась. Лёгкая, дежурная улыбка сотрудника.

– Спасибо за собеседование, Андрей, – сказала она своим ровным, низким голосом. – Когда я могу приступить к работе?

Он смотрел на неё, всё ещё не в силах прийти в себя. Потом медленно кивнул, и в его глазах появилось нечто новое – не просто похотливый интерес, а уважение, смешанное со страхом.

– Завтра, – хрипло выдохнул он. – В девять. Кабинет 1812. Я всё оформлю.

– Отлично, – кивнула Лера. – До завтра.

Она развернулась и пошла прочь, её каблук отстукивали тот же уверенный ритм по граниту. Она не оглядывалась. Она чувствовала на своей спине его взгляд – горячий, прилипчивый. И вкус на губах – горьковато-солёный, как первые плоды победы.

Код был введён. Дверь начала открываться.

Глава 2: Офисная инициация

Первые дни в «КристаллТехе» были похожи на вхождение в аквариум с хищниками. Прозрачные стены, всё видно, но правила взаимодействия – неписанные и жёсткие. Лера, в своём тёмно-синем костюме-доспехе, старалась быть идеальной: приходила раньше всех, учила внутренние регламенты, выполняла поручения Андрея быстро и без вопросов. Но она быстро поняла, что её реальная работа начинается не за компьютером.

Её тело работало на неё, даже когда она молчала. Когда она шла по коридору с папкой у груди, мужские взгляды, словно щупальца, скользили по её спине, задерживались на изгибе поясницы, на плавном покачивании бёдер под обтягивающей тканью юбки. В столовой, когда она наклонялась над кулером, чтобы набрать воды, она чувствовала, как тишина за её спиной становилась гуще, насыщенней. Женщины – коллеги по отделу – смотрели на неё с холодным любопытством и сразу понятной неприязнью. Их взгляды говорили: «Мы знаем, как ты получила это место». И они не ошибались.

Однажды, случайно задержавшись у двери курилки, она услышала обрывки фраз:

«...новенькая из отдела продаж, ну та, что с формами...»

«Андрей её сразу взял, я слышал, собеседование было...»

интенсивным».

Хриплый смешок. «Интенсивным? Да он до сих пор ходит, как влюблённый щенок. Говорят, она в лифте его так обработала, что он заявку на её ставку за полчаса провёл».

«Ну, главное, чтобы работала, а не только...»

«Да какая там работа. Смотри, какие задачи ей скидывают. Премиальные проекты. А нашей Ирке, которая пашет как лошадь, уже третий месяц обещают повысить – и тишина».

Лера отошла от двери, не меняясь в лице. Всё было верно. Она видела эту Иру – умную, потрёпанную жизнью женщину за сорок, которая знала всё о продукте, но чей пиджак сидел мешковато, а взгляд был усталым. Ей давали рутину. А Лере – живые, интересные задачи, прямой доступ к клиентам, возможность блистать. Цена доступа была известна. И она её уже заплатила.

Андрей держался с ней подчёркнуто профессионально в офисе. Но его взгляд, когда никто не видел, был другим – тёплым, собственническим, благодарным. Он заваливал её работой, но всегда находил время лично объяснить сложные моменты, стоя слишком близко, чтобы его рука «случайно» касалась её спины. Он ввёл её в курс дел стремительно, и Лера понимала – это не только из-за её гипотетических талантов. Это инвестиция. И он ждал дивидендов.

Командировка в Нижний Новгород на переговоры с ключевым партнёром стала логичным следующим шагом. «Тебе

нужен опыт полевой работы», – сказал Андрей, и в его глазах мелькнул тот самый «драйв». Лера кивнула, не задавая лишних вопросов. Она знала, что переговоры – лишь часть программы.

Вечерний поезд «Сапсан» был их личным, движущимся кабинетом. Они сидели в бизнес-классе, с ноутбуками, обсуждая стратегию. Андрей был сосредоточен, деловит. Но когда стемнело за окном, и в вагоне выключили основной свет, оставив только индивидуальные лампы, атмосфера изменилась. Он откинулся в кресле, снял очки, протёр переносицу.

– Устал, – сказал он, глядя не на неё, а в тёмное окно, где мелькали редкие огни.

– Сейчас привезут ужин, – ответила Лера, закрывая ноутбук.

– Не в ужине дело, – он повернулся к ней. Его лицо в полумраке казалось уставшим, но глаза горели знакомым ей внутренним огнём. – Ты... не боишься? Завтра встреча, люди серьёзные.

– Я подготовилась, – честно сказала Лера. И добавила, чуть снизив голос: – С вашей помощью.

Он улыбнулся, и это была не начальническая улыбка, а какая-то более простая, мужская. Его рука легла на подлокотник её кресла, мизинец почти касался её бедра.

– Я знаю. Ты... не похожа на других.

Больше они не говорили о работе. Разговор тек плавно, о

пустяках. Он спросил о её жизни, осторожно, не лезя в глубины. Она отвечала общими фразами, создавая образ независимой, целеустремлённой девушки. Миф, который ему хотелось в неё вложить.

В отеле, четырёхзвёздочном, с видом на Волгу, им оформили номера на одном этаже, через коридор. «На всякий случай, чтобы быть на связи», – как бы между делом бросил Андрей администратору. Лера промолчала.

Она приняла душ в своём номере, долгий, смывающий дорожную пыль. Надела не пижаму, а короткий шёлковый халат, купленный на последние из оставшихся денег – инвестиция в будущее. Она не ждала звонка. Она ждала стука в дверь.

Он раздался ровно через час. Три уверенных, но негромких удара.

Лера открыла. Андрей стоял в коридоре, тоже после душа, в тёмных брюках и простой футболке. Он пах свежестью и тем же дорогим парфюмом, но теперь запах был приглушён, интимен.

– Не спится, – сказал он. – Можно?

– Входите, – она отступила, пропуская его.

Дверь закрылась с тихим щелчком. Он обернулся, и больше не было необходимости в словах. Его поцелуй был не таким, как в лифте – нерешительным прикосновением. Он был властным, требовательным, полным накопившегося за недели напряжения. Лера ответила ему, позволяя губам размяк-

нуть, издав тихий, естественный стон. Её руки обвили его шею, пальцы вцепились в волосы у затылка.

Он срывал с неё халат, и она помогала ему, позволяя ткани соскользнуть на пол. Он смотрел на её тело, освещённое только светом из ванной, и в его глазах был уже не просто голод, а нечто вроде благоговения. Его руки дрожали, когда он касался её груди, проводил ладонью по животу, к её бёдрам.

– Лера... – прошептал он, и в этом шёпоте была мольба.

Она повела его к кровати. На этот раз она не опускалась на колени. Она откинула покрывало и легла, смотря на него снизу вверх. Её взгляд был инструкцией. Он разделся, и его тело оказалось подтянутым, сильным для его возраста, но с лёгкой дряблостью на талии – следы офисной жизни и хорошего алкоголя. Это не отталкивало. Это делало его реальным. Уязвимым.

Он лег на неё, и его вес, тяжёлый, приятный, придавил её к матрасу. Его поцелуи стали хаотичными, он целовал её губы, шею, плечи. Лера позволила ему, но её разум не отключался. Он анализировал. Она чувствовала его неуверенность сквозь страсть. Он боялся показаться грубым, как в лифте? Боялся, что она снова возьмёт контроль на себя? Или боялся своих собственных, более тёмных желаний, которые не решался высказать?

Когда он вошёл в неё, она обвила его ногами, притянув к себе глубже. Он застонал, опустив лицо ей в шею. Его движения были страстными, но немного неуклюжими, будто он

спешил. Лера положила ладонь ему на спину, между лопаток.

– Тихо, – прошептала она ему в ухо. – Не спеши.

Он замер на мгновение, потом его дыхание стало глубже, ровнее. Он снова начал двигаться, но теперь медленнее, осознаннее, прислушиваясь к её реакциям. Она направляла его лёгкими касаниями, стопами, небольшими движениями бёдер. Она училась читать его желания по напряжению мышц, по звуку дыхания, по тому, как его пальцы впивались в её кожу.

И она дала ему то, о чём он, возможно, боялся попросить. Когда ритм стал ровным, почти медитативным, она вдруг перевернула его на спину с неожиданной силой. Он ахнул от удивления, но не сопротивлялся. Теперь она была сверху, контролируя глубину и темп. Его глаза были широко раскрыты, полные изумления и восторга. Он смотрел, как её грудь покачивается над ним, как тени играют на её животе. Он поднял руки, обнял её за талию, но не пытался руководить – просто держал.

Лера двигалась, откинув голову назад, наслаждаясь ощущением власти и физическим наслаждением, которое наконец начинало пробиваться сквозь ледяной панцирь расчёта. Это было другое. Здесь она не обслуживала. Она владела. И он был в восторге от этого.

Она чувствовала его приближение. Его тело стало деревянным, дыхание сорвалось. В последний момент он попы-

тался посадить её, чтобы кончить не в неё, но Лера легла на него грудью, прижавшись к его губам в поцелуе, и продолжила движения, не давая ему выскользнуть. Его крик был заглушён её ртом. Он кончил внутри неё, и она почувствовала горячие всплески, его дрожь, его полную капитуляцию.

Они лежали, он – тяжело дыша, она – слушая, как его сердце колотится где-то под её щекой. Его рука бесцельно гладила её спину.

– Чёрт, Лера... – выдохнул он. – Ты... ты нереальная.

Она не ответила, просто приподнялась и посмотрела на него. Его лицо было беззащитным, почти детским. В этот момент он принадлежал ей полностью. Не как начальник подчинённой. А как мужчина женщине, которая только что показала ему, на что она способна.

– Завтра переговоры, – тихо сказала она. – Нам нужно выспаться.

Он кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Она осторожно слезла с него, прошла в ванную. Под душем она смывала с себя его запах, его семя, ощущая странное удовлетворение. Она не только закрепила свою позицию. Она переписала правила их игры. Теперь он был не просто начальником, которого она соблазнила. Он был мужчиной, которого она взяла, и который был ей благодарен.

Утром за завтраком он был снова собран и деловит, но его взгляд, когда он передавал ей сахарницу, был другим – глубоким, признательным, почти влюблённым. На переговорах

он ловил каждое её слово, поддерживал её аргументы, представлял партнёрам: «Мой лучший специалист, Лера. Доверяйте её мнению как моему».

Партнёры подписали допсоглашение. По дороге на вокзал в такси он молча взял её руку и сжал. Не как любовник. Как союзник. Он вытащил конверт.

– Премия. За работу. И за... понимание.

В конверте было больше, чем она ожидала. Значительно больше.

В поезде, глядя на мелькающие за окном поля, Лера понимала, что первый, самый рискованный этап пройден. Она не просто получила работу. Она получила покровителя. Союзника. И инструмент для дальнейшего продвижения. Её тело, её умение читать желания и давать больше, чем просят, сработали безупречно.

Но глядя на спящего напротив Андрея, с размякшим, умиротворённым лицом, она думала уже не о нём. Она думала о том, кто стоит над ним. О том самом Павле, директоре по развитию, чей кабинет был на этаж выше и чьи двери никогда не открывались просто так.

Одного покровителя было мало. Нужен был запасной выход. Или, лучше сказать, – вход на следующий уровень. Код доступа нужно было постоянно обновлять.

Она закрыла глаза, позволив улыбке тронуть уголки губ. Работа только начиналась.

Глава 3: Парк возможностей

Квартальный отчёт был сдан. Цифры, графики, презентации на пятидесяти слайдах – всё это выжало из Леры последние соки. Она сидела за своим рабочим столом, уставившись в экран, на котором мигала иконка одобрения от Андрея: «Отлично! Прошли план на 127%». Вместо эйфории – пустота. Пустота и какая-то липкая, тошнотворная усталость во всём теле. Она сделала это. Закрепилась. Получила очередную премию, уже гораздо более весомую. Но внутри было ощущение, будто она пробежала марафон в тесных, не своих туфлях. Всё ныло: спина от постоянного сидения, глаза от монитора, мозг от бесконечных расчётов и необходимости всегда быть настороже, всегда играть роль.

Она вышла из офиса раньше обычного. Небо над городом было свинцовым, низким, но дождь пока только собирался, вися в воздухе тяжёлой влажной дымкой. Лера не поехала домой. Она села в метро и уехала на окраину, в тот самый большой лесопарк, куда однажды в студенчестве ездила на пикники. Ей нужна была не людская суeta, а тишина. Или, может, наоборот – не тишина, а какой-то иной шум.

Парк встретил её запахом прелой листвы, влажной земли и предгрозовой свежести. Был будний день, почти безлюдно. Она шла по широкой аллее, её каблуки вязли в гравийной крошке. Через пять минут она остановилась, сняла туфли и

пошла босиком. Земля под ногами была прохладной, мягкой, живой. Каждый камешек, каждая веточка отдавались в подошвах острыми, но приятными уколами. Она шла, и напряжение медленно, будто слоями, начало отваливаться от неё.

Она забрела в старую часть парка, где аллеи сужались, а деревья становились выше и мрачнее. Здесь стояли скамейки столетней давности и полуразрушенные беседки, увитые плющом. В одной из таких беседок, на краю обрыва к небольшому пруду, сидел мужчина. Он что-то чертил в большом скетчбуке, положив его на колени. Лера хотела было развернуться, но он поднял голову.

Он был не похож на мужчин из её нынешней жизни. Лет тридцати пяти, в простых джинсах и тёмно-зелёной флисовой кофте, на носу – очки в тонкой металлической оправе. Волосы тёмные, чуть вьющиеся, выбивались из-под небрежной причёски. Не Андрей с его выверенной дороговизной. И уж тем более не Сергей. В его взгляде была спокойная сосредоточенность человека, погружённого в своё дело.

– Простите, я помешал? – спросила Лера, останавливаясь.

– Нет, что вы, – он улыбнулся, и улыбка была лёгкой, без подтекста. – Место общее. Я тут наброски делаю. Вид неплохой.

Он показал подбородком на пруд внизу. Лера сделала шаг вперёд, чтобы посмотреть. Её босые ноги зашуршали по траве.

– Архитектор? – угадала она, глядя на скетчбук.

– Попадание, – кивнул он. – Артём. Стараюсь поймать дух места. Эти беседки... их скоро снесут, на их место поставят что-то пластиковое и гладкое. Хочу успеть.

– Лера, – представилась она. Не Соколова. Просто Лера.

– Вы тоже здесь что-то ищете? – спросил Артём, закрывая скетчбук. Его взгляд скользнул по её фигуре: по деловому, но теперь чуть помятому костюму, по босым ногам, по лицу, на котором, как она чувствовала, ещё лежала печать офисного ада.

– Воздух, – честно ответила она. – И тишину. Вернее, не тишину... чтобы не было гула компьютеров и голосов в телефонной трубке.

– Понимаю, – сказал он, и в его голосе прозвучала неподдельная симпатия. – Я сам сбежал с совещания. Там тоже свой ад.

Они разговорились. Сначала о парке, о городе, потом о работе – осторожно, без деталей. Он оказался умным, ироничным, с каким-то внутренним стержнем спокойствия, который чувствовался даже через слова. Лера ловила себя на том, что смеётся – по-настоящему, а не дежурной офисной улыбкой. Она расслабилась. Впервые за долгие недели.

Они вышли из беседки и пошли вместе по тропинке, ведущей в самую глушь парка. Разговор тек легко, будто они были старыми знакомыми. Между ними возникло то самое поле лёгкого флирта – невинного, игривого. Он шутил, она

парировала. Он смотрел на неё всё чаще и дольше, и в его взгляде уже появился интерес не только как к собеседнику.

Они остановились у огромного старого дуба, ствол которого был покрыт морщинами коры, как кожа великана. Тучи сгустились, послышались первые тяжёлые капли дождя, застучавшие по листьям.

– Дождь начинается, – сказал Артём. – Надо бы к выходу.

Но он не двигался с места. Он смотрел на неё. Дождь усилился, превратившись в сплошную серую пелену. Они стояли под раскидистыми ветвями дуба, в сухом кругу.

– Ты знаешь, – сказал он вдруг, отбросив формальное «вы». – У меня сейчас совершенно дикая мысль.

– Какая? – спросила Лера, уже догадываясь. Её сердце забилось чаще, но не от страха. От предвкушения.

– Я хочу тебя. Прямо здесь. Сейчас, – произнёс он без экивоков, прямо, глядя ей в глаза. В его голосе не было наглости или давления. Была констатация факта и вызов.

Лера замерла. Мысли о выгоде, о последствиях, об Андрее – всё это отлетело прочь. Перед ней был просто мужчина, который хочет её. Не как сотрудницу, не как инвестицию. Как женщину. В этом была животная, первозданная чистота.

Вместо отказа её губы растянулись в улыбку, в которой было что-то хищное и свободное.

– Слабак, – бросила она ему в ответ, тоже на «ты». – Только говорить об этом?

Это был вызов. И он его принял.

Он шагнул вперёд, и его губы нашли её губы. Поцелуй был не таким, как у Андрея – не властным, не благодарным. Он был жадным, исследующим, полным того самого «здесь и сейчас». Его руки обхватили её лицо, пальцы вплелись в её волосы, растрепав тугой пучок. Лера ответила с той же силой, кусая его нижнюю губу, чувствуя вкус дождя и чего-то ещё – свободы.

Он развернул её и прижал лицом к шершавому стволу дуба. Кора была холодной, влажной, живой под её ладонями. Он не тратил время на нежности. Его руки задрали её юбку, грубым движением стянули с неё трусики. Она слышала, как рвётся тонкий шёлк. Звук был похож на хлопок. Дождь хлестал по листьям над их головой, заглушая всё.

Его пальцы нашли её, и она обнаружила, что уже влажная, готовая. Не от расчёта. От этого безумия, от этой дикости, от его прямого, безоглядного желания. Он вошёл в неё сзади, одним резким, глубоким движением. Лера вскрикнула – от неожиданности, от заполняющей её полноты. Он был большим, и это было больно, но боль тут же растворилась в волне густого, тёмного удовольствия.

Он двигался быстро, сильно, почти без ритма, повинувшись только инстинкту. Его руки сжимали её бёдра, пальцы впились в плоть. Его дыхание было хриплым, горячим у неё за ухом. Лера упиралась ладонями в кору, её ноги подкашивались с каждым толчком. Она чувствовала каждую шероховатость дерева, каждую каплю дождя, долетавшую до её

спины, запах мокрой земли и его кожи – простой, мужской, без парфюма.

Это не было любовью. Не было даже близостью в привычном смысле. Это было соитием. Слиянием двух тел в едином порыве сбросить всё наносное, всё сложное. Она не думала о том, чтобы ему понравиться, чтобы что-то получить. Она просто чувствовала. Чувствовала, как нарастает напряжение внизу живота, как волны удовольствия бьются о бёдра, как её собственные стоны рвутся наружу.

Он одной рукой обхватил её за талию, прижимая к себе, другой – закрыл ей рот ладонью, заглушая её крики. И это было последней каплей. Потеря контроля над звуком, над ситуацией, полное погружение в ощущения – отпустило какую-то пружину внутри. Оргазм нахлынул на неё внезапно, сокрушительной волной, заставившей её тело выгнуться и задрожать в немом крике против его ладони. Спазмы были такими сильными, что у неё потемнело в глазах.

Он почувствовал это, его движения стали хаотичными, и через три мощных, глубоких толчка он кончил, издав низкий, сдавленный стон, прижавшись лбом к её спине между лопаток. Его семя, горячее и обильное, заполнило её.

Они замерли, прижавшись к дереву, слушая, как дождь постепенно стихает, превращаясь в морозящую изморось. Его ладонь медленно соскользнула с её рта. Дыхание вырывалось у обоих неровными клубами пара на холодном воздухе.

Он осторожно вышел из неё. Лера, всё ещё дрожа, обернулась, прислонившись спиной к дубу. Её юбка была задрана, блузка растёгнута, на боку зиял порванный край ткани – зацепилась за сучок. Она, должно быть, выглядела непотребно. И чувствовала себя... очищенной. Освобождённой.

Артём смотрел на неё. Его лицо было серьёзным, взгляд – оценивающим, но без осуждения.

– Ну что, слабак? – хрипло спросила Лера, и её голос прозвучал чужим, низким.

Он покачал головой, и уголки его губ дрогнули.

– Ни разу в жизни, – ответил он. Потом вздохнул, поправил очки. – Извини за... резкость. И за юбку.

– Не извиняйся, – сказала она, сползая по стволу, чтобы сесть на корни. Ноги действительно не держали. – Это было... то, что надо.

Он сел рядом, достал из кармана смятую пачку сигарет, предложил. Она отказала. Он закурил. Дым смешался с запахом дождя.

– Ты... часто так? – спросил он после паузы.

– Впервые, – честно сказала Лера. И это была правда. Всё остальное было игрой, стратегией. Это было чисто.

Он кивнул, как будто понял всё без слов.

– Мне надо идти, – сказал он, потушив сигарету. – Советование, помнишь?

– Да, – кивнула Лера. Она не спрашивала номер. Он не предлагал.

Он встал, протянул руку, чтобы помочь ей подняться. Его ладонь была тёплой и сильной. На мгновение они просто стояли, держась за руки.

– Береги себя, Лера, – сказал он. – Не дай этому миру сломать тебя.

Потом развернулся и ушёл по тропинке, быстро растворившись в серой пелене дождя.

Лера осталась одна под дубом. Она опустила юбку, попыталась привести в порядок волосы. Бесполезно. Она выглядела как после урагана. И чувствовала себя так же – разбитой, но невероятно живой. Каждая клетка её тела пела, вибрировала, вспоминая грубую силу его объятий, свою собственную потерю контроля и ту невероятную мощь, которая скрывалась за этой потерей.

Она подтвердила что-то очень важное. Она была желанна не только как карьерный инструмент. Она была желанна просто так. Дико, безрассудно, по-звериному. И в этом была своя, особая сила.

Она надела туфли на босые, грязные ноги и пошла к выходу из парка. Дождь почти прекратился. На душе было пусто, но это была хорошая, светлая пустота – как чистая страница. Порванная юбка болталась на боку, напоминая о только что случившемся. Она не испытывала стыда. Только лёгкую, почти детскую радость от того, что сделала что-то запретное, своё.

В метро на неё косились, но она не опускала глаз. Она

смотрела на своё отражение в тёмном окне вагона: растрёпанная, с землёй на коленях, с тайной в глазах. Тело, которое только что служило ей для очищения, а не для продвижения.

«Моё тело будет служить только мне», – вспомнила она свою клятву. И сегодня оно послужило ей именно так – как ей хотелось. Не как валюту, а как средство для сброса напряжения, для подтверждения своей силы и привлекательности вне офисных стен.

Это был не шаг назад. Это было расширение арсенала. Теперь она знала, что может не только рассчитывать. Она может и чувствовать. И контролировать даже это.

Она вышла на своей станции, поднялась на улицу. Город заливал вечерний свет, и он казался ей уже не клеткой, а парком возможностей. Большим, диким, полным старых дубов и неожиданных встреч.

Надо будет купить новую юбку, подумала она. И улыбнулась.

Глава 4: Тонкая настройка

Ветер перемен в «КристаллТехе» пришёл с зимним сквозняком в конце ноября. Его звали Павел.

Директор по развитию, начальник Андрея, а значит, и всего отдела продаж. Он появился неожиданно – его перевели из головного офиса в Москве «для усиления регионального направления». Шёпот в курилке стал громче и тревожнее. Говорили, что он карьерист из ледяной глыбы, что увольняет людей без объяснений, но способен сделать звездой того, кто докажет свою полезность. Ему было около пятидесяти, выглядел на сорок. Высокий, подтянутый, с сединой у висков, которая не старила, а лишь добавляла авторитета. Он всегда был в идеально сидящих костюмах тёмных, почти чёрных оттенков, с белоснежными, не имеющими права на складку, рубашками. И с холодными, серыми, как февральский лёд, глазами, которые смотрели на людей не как на людей, а как на ресурсы – эффективные или подлежащие утилизации.

Лера впервые увидела его на общем собрании. Он говорил чётко, без лишних слов, цифры сыпались из него, как град. Его голос был ровным, металлическим, лишённым эмоций. Он не пытался вдохновить. Он ставил задачи. И когда его взгляд скользил по залу, у Леры возникло странное ощущение, будто её сканируют. Не как мужчина женщину. Как инженер деталь механизма.

Андрей после прихода Павла изменился. Его уверенность, та самая, что так импонировала Лере, стала нервной, подчас суетливой. Он чаще замолкал в середине фразы, если в коридоре появлялась тень его начальника. Павел вызывал его к себе по несколько раз в день, и Андрей возвращался бледный, с плотно сжатыми губами. Его благодарные, почти влюблённые взгляды на Леру сменились озабоченностью. Он стал меньше с ней общаться, лишь кидая сухие поручения. Его внимание, эта тёплая, липкая нить, которая связывала их и давала Лере ощущение защищённости, начало рваться.

Лера наблюдала. И делала выводы. Одна покровительственная связь оказалась хрупкой. Чтобы расти, чтобы быть неуязвимой, нужен был доступ на уровень выше. К источнику власти. К Павлу.

Но Павел был не из тех, кого можно взять прямым натиском. Лифт, командировка – эти методы сработали бы с Андреем, человеком страсти, скрытой под деловой оболочкой. Павел же казался лишённым страсти вообще. Он был воплощённым расчётом. Игра с ним требовала другой валюты. Не тела как такового, а демонстрации полезности. Тело должно было стать не оружием, а... приманкой, обёрткой для того ума и амбиций, которые он мог бы захотеть использовать.

Лера начала «тонкую настройку». Она изучила его расписание, узнала, когда он обычно приходит, когда уходит, по какому маршруту идёт от лифта к своему кабинету. Она начала появляться на этом маршруте «случайно». Сначала

– просто пройти мимо, кивнуть с предельно корректным, почти невидящим выражением лица: «Добрый день, Павел Сергеевич». Он кивал в ответ, не останавливаясь, его взгляд скользил по ней, не задерживаясь. Но Лера чувствовала – он её заметил. Заметил и отнёс к категории «сотрудник отдела продаж, жен., привлекательная». Пока – просто данные.

Она сменила тактику. Перестала быть просто «привлекательной». Она стала безупречной. Её костюмы стали ещё строже, но ткани – тоньше, дороже. Кашемир, шёлк, тонкая шерсть. Они не кричали о богатстве, они шептали о безупречном вкусе и ресурсах, чтобы этот вкус удовлетворить. Она сменила тугой пучок на элегантную, но небрежную низкую шишку, из которой выбивались несколько прядей. Это смягчало образ, делало его менее офисно-кукольным, более человечным. И более доступным для взгляда.

Она начала работать с взглядом. Поймав его в коридоре, она не отводила глаза сразу. Она позволяла их взглядам встретиться на долю секунды дольше приличий. Не с вызовом, а со спокойной, открытой уверенностью. Как будто говорила: «Я вижу вас. И вы видите меня. И это нормально». Первые несколько раз он смотрел сквозь неё. Потом – стал задерживать взгляд. Всего на мгновение. Но Лера уловила это.

Однажды, зная, что он должен выйти из кабинета в 11:30 на совещание, она подстроила «аварию». У неё в руках была папка с толстенной распечаткой годового отчёта. Она шла

навстречу ему из противоположного конца коридора. Ровно в тот момент, когда между ними оставалось три шага, её каблук (который она специально чуть ослабила) якобы подвернулся на стыке плиток. Она не упала, но папка выскользнула из её рук, и десятки листов бумаги веером разлетелись по полу прямо у порога его кабинета.

– Ой! Простите! – воскликнула она с искренне-смущённой интонацией, которая далась ей нелегко.

И тут же, не дожидаясь помощи, быстро опустилась на корточки. Но не как обычно – скромно подобрав юбку. Она повернулась к нему боком, слегка наклонившись вперёд. Обтягивающая кашемировая юбка цвета тёмного шоколада, сидевшая на ней как влитая, натянулась над её бёдрами, обрисовывая каждую округлость, каждую линию. Лиф от белоснежной шёлковой блузки приоткрыл ложбинку между грудей. Она знала, что делает. Это был не вызывающий наклон стриптизёрши. Это был случайный, естественный, но безупречно рассчитанный жест, демонстрирующий товар в самой выгодной упаковке.

Она чувствовала его взгляд на себе. Он не наклонился, чтобы помочь. Он остановился и смотрел. Она собирала бумаги, её пальцы слегка дрожали – не от нервов, а от адреналина. Она подняла голову, встретив его взгляд снизу вверх. Её глаза были широко раскрыты, с лёгкой долей смущения и досады на себя.

– Простите за беспорядок, Павел Сергеевич, – сказала

она, и её голос прозвучал чуть сбивчиво, что было частью плана.

Он смотрел на неё несколько секунд. Его лицо оставалось каменным. Но в его серых глазах что-то промелькнуло. Не похотливый огонёк, не интерес мужчины к женщине. Скорее, аналитический блеск. Как будто он пересчитывал переменные в уравнении и обнаружил новую, перспективную.

– Ничего страшного, – произнёс он наконец. Его голос был таким же ровным, но Лере показалось, что в нём прозвучала едва уловимая нота... не мягкости, а любопытства. – Аккуратнее. Пол скользкий.

Он перешагнул через рассыпанные у его ног листы и пошёл дальше, не оглядываясь. Но Лера знала – он запомнил. Запомнил не как неуклюжую сотрудницу, а как женщину у дороги кашемире, которая, собирая бумаги, продемонстрировала безупречные линии тела и не потеряла при этом лица. Она была и эффективна (быстро собирает), и уязвима (случайность), и при этом визуально безупречна. Идеальный набор качеств.

Собрав бумаги, она поднялась и пошла к себе, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле. Это был первый контакт. Минимальный, но значимый. Он её «отсканировал» всерьёз.

На следующий день на планёрке Павел, обращая ко всему отделу, вдруг сказал:

– Отчёт по итогам квартала нужно представить не только в цифрах, но и с аналитикой по трендам. Кто может взять?

Андрей заёрзал на месте, собираясь, видимо, поручить это кому-то из старших менеджеров. Но Павел не дал ему сказать.

– Соколова. Вы справитесь?

Все взгляды устремились на Леру. Андрей побледнел. Это было прямое поручение от директора, минуя непосредственного начальника. Вызов и признание одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.